

СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ УЧЕНИЕ О ДУХОВНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Скворцова Анна Владимировна

Кандидат философских наук, доцент, Российский
технологический университет (МИРЭА), (г. Москва)
orel121@yandex.ru

THE SLAVOPHILE DOCTRINE OF SPIRITUAL INTEGRITY OF MAN IN "A COMMON STORY" BY IVAN GONCHAROV

A. Skvortsova

Summary: The article examines how the teaching of the Slavophiles about the spiritual integrity of man is reflected in Goncharov's novel "A Common Story". Alexander Aduyev doesn't think himself apart from others. He doesn't withdraw from the world, as was typical of Romantics, but strives to achieve unity with people, which fits into the Slavophile concept of sobornost. The inconsistency of the mind and heart prevents him from clearly perceiving reality, which is overcome by a critical attitude towards himself, as evidenced by his letters from the village. The concept of the Slavophiles about the "external" and "internal" man is expressed in the novel through the juxtaposition of a practical attitude to life and lofty idealistic aspirations. Using the example of Pyotr Aduyev, Goncharov shows the disastrous nature of excessive rationalism, even when they try to avoid the destructive effects of human passions with its help. According to the writer, it is the "heart" that is the true source of virtue, without which it is deprived of "warmth and charm". The Slavophiles considered the "heart" to be the center of all spiritual forces of man. Both Aduyevs eventually did not reach the moral ideal, nevertheless, the novel gives hope for a possible "resurrection" of the characters, which manifests the "Easter archetype" of Russian literature.

Keywords: slavophilism, spiritual integrity, sobornost, roman-upbringing, heart, "outer man", "inner man".

Аннотация: В статье исследуется, как учение славянофилов о духовной целостности человека отражено в романе Гончарова «Обыкновенная история». Александр Адуев не мыслит себе обособленно от окружающих. Он не удаляется от мира, как это было свойственно романтикам, но стремится достичь единения с людьми, что вписывается в славянофильскую концепцию соборности. Рассогласованность ума и сердца мешает ему ясно воспринимать действительность, что преодолевается путем критического отношения к самому себе, о чем свидетельствуют его письма из деревни. Концепция славянофилов о «внешнем» и «внутреннем» человеке выражена в романе через противопоставление практического отношения к жизни и возвышенных идеалистических устремлений. На примере Петра Адуева Гончаров показывает гибельность избыточного рационализма, даже когда с его помощью пытаются избежать деструктивных воздействий человеческих страстей. По мысли писателя, именно «сердце» является подлинным источником добродетели, без чего она лишена «теплоты и прелести». Именно «сердце» славянофилы считали средоточием всех духовных сил человека. Оба Адуева в итоге не достигли нравственного идеала, тем не менее, в романе дается надежда на возможное «воскресение» героев, в чем проявляется «пасхальный архетип» русской словесности.

Ключевые слова: славянофильство, духовная целостность, соборность, роман-воспитания, сердце, «внешний человек», «внутренний человек».

Время написания романа «Обыкновенная история» (1847) является разгаром споров между западниками и славянофилами. Это разногласие касается не только социально-политических вопросов. В его основе лежит целый комплекс философских идей. Дискуссии, охватившие значительную часть образованного сословия, не могли не отразиться в художественной литературе. Существует не столь уж много работ, рассматривающих творчество И.А. Гончарова в философском ключе. Все такие попытки сосредотачивались главным образом на романе «Обломов». Из авторов, исследовавших антропологическую проблематику «Обыкновенной истории», следует назвать Е.А. Краснощекову, Л.В. Карасева, С.К. Казакову, В.И. Мельник.

В основе сюжета «Обыкновенной истории» лежит столкновение мировоззренческих позиций дяди и пле-

мянника. Гончаров попытался примирить две крайности – восторженный романтизм и трезвый прагматизм. Его намерением было создать образ героя, у которого возвышенные устремления сочетаются с реалистическим взглядом на жизнь. Учение о гармонии ума и сердца развивали и славянофилы. Согласно их позиции, разум должна просвещать свободная от страстей любовь, которая провозглашается главным принципом бытия. Именно она дарует человеку верное знание о мире и является залогом успешной деятельности в нем.

«Обыкновенная история» относится к типу романа-воспитания, где повествуется о становлении личности молодого человека. Как известно, В.Г. Белинский был недоволен эпилогом, считая, что романтики, подобные Александру Адуеву, никогда не становятся «положительными» людьми, лучше и естественней автору было бы

сделать его «славянофилом» [2, с. 343].

Постараемся определить, что же «славянофильского» увидел критик в личности молодого Адуева. Отправляясь из деревни в столицу, Александр мечтает о пользе, которую принесет отечеству, о славе писателя и о любви. Обращает на себя внимание аксиология героя. Ценности Александра связывают его с другими людьми. Он не мыслит себя обособленно от окружающих, хоть и преисполнен убеждения в собственной исключительности. Жизненный успех он называет «выйти в люди». «Там тот и другой – все вышли в люди... я только один отстал» [3, с. 243]. Это восходит к славянофильской концепции «соборности». Александр не удаляется от общества, как обычно делали романтики, а стремится стать его частью. Он не любит переживать впечатления в одиночку. В Петербурге его огорчает безразличие прохожих друг ко другу, все «бегут куда-то, занятые только собой» [3, с. 36]. Он противопоставляет этому нравы своего губернского города, где «каждая встреча, с кем бы то ни было, почему-нибудь интересна» [3, с. 36]. С точки зрения славянофилов, личность самоценна, самостоятельна, но в своем бытии неразрывно связана с обществом и народом. «Общество дает человеку возможность не утратить себя, но найти себя и слышать себя не в себе, а в союзе и согласии, в общей жизни и в общей любви», – писал К.С. Аксаков [1, с. 433].

Огромное значение для Александра имеют любовь и дружба. В деревне он любил Софью «пока маленькой любовью, в ожидании большой» [3, с. 15]. По его собственному признанию, он готов был «посвятить любимой женщине жизнь, лежать у ее ног, воспринимать как закон каждое ее слово» [3, с. 129]. Александр обижается на дядю, за то, что тот не «не согрел его горячими объятиями дружбы» [3, с. 43], восторгается поступком Пospелова, который скакал целые сутки, чтобы сказать «последнее прости» [3, с. 24], огорчается из-за его «охлаждения» в Петербурге [3, с. 131]. Александр пытается сблизиться с людьми, хотя делает это порывисто, резко, не успев их как следует узнать.

Соборность, однако, подразумевает свободное единение. Александр же требует от Наденьки ответного чувства, деспотично ведет себя с Юлией, хочет злоупотребить неопытностью Лизы, хоть и ругает себя за это намерение. Соборность, по словам А.С. Хомякова, предполагает ситуацию, когда «силы всех принадлежат каждому, а силы каждого всем» [9, с. 56]. Про Александра же не сказано, чтобы он о ком-то заботился, дарил кому-то подарки (кроме цветов Юлии). Наоборот, люди что-то дарят ему или чем-то жертвуют ради него. Софья обрубила его платки и поставила метки на белье, Наденька в ожидании его оставалась до вечера без обеда, Лизавета Александровна подолгу его утешала. Когда Александр с Юлией обсуждали переустройство

дома после свадьбы, он предложил «обратить ее уборную в свой кабинет» [3, с. 176], то есть, попытался отнять комнату у любимой женщины в ее же доме. Он ожидает многого от своей возлюбленной. «Для меня она должна <...> бежать если нужно на край света, сносить энергически все лишения, наконец презирать саму смерть» [3, с. 128].

Неудачи на жизненном пути Александра объясняются его личностной незрелостью и издержками домашнего воспитания. На молодого человека обрушились проблемы, для преодоления которых у него не хватило ни знаний, ни опыта. Совершая ошибку за ошибкой, страдая вновь и вновь, Александр анализировал происходящее и делал выводы, что явилось стимулом для внутренней работы. В итоге на каком-то этапе развития он достиг способности глубоко и объективно судить о людях, критически относясь к самому себе, о чем свидетельствуют его письма из деревни. «Там вы поняли, растолковали себе жизнь, там вы были прекрасны, благородны, умны... Зачем не остались такими?» – сказала ему Лизавета Александровна [3, с. 259]. Ю.М. Лотман считал, что это момент наиболее гармоничного состояния его личности [8, с. 171]. Александр достиг равновесия между готовностью к созидательному труду и мечтами об идеале. Посредством объединения в гармоническое целое всех духовных сил его личность приобрела на некоторое время способность проникновения в подлинную сущность предметов и явлений. Хотя впоследствии он не удержался на этой высоте.

Осмысляя происходящее, раскол, возникший в его личности, он связывает с потерей веры. «К чему этот раскол, это умничанье?.. Боже!.. когда теплота веры не греет сердца, разве можно быть счастливым!» [3, с. 239]. Эти мысли приходят ему на ум во время церковного богослужения. Религиозная составляющая занимала в дискурсе славянофилов первенствующее место. Они подчеркивали, что в русском национальном самосознании сыграло решающую роль принятие христианства. Вот и Александр сожалеет, что не может верить, как раньше, называя «умничаньем» порождаемые разумом «сомнения, толки, теории», удаляющие от истины.

Для славянофилов средоточием всех духовных сил человека является сердце. Из него проистекает способность относиться к миру с любовью и теплотой. В «Обыкновенной истории» термин «сердце» используется многократно. По мнению Александра, сердечность важнее практической пользы. Про дядины советы он говорит, что «пусть они лучше будут недельны, но полны теплого, сердечного участия» [3, с. 43]. Сердечная вовлеченность в жизнь породила в нем отвращение к формализму, с которым он столкнулся в департаменте, что дало ему повод сравнить это заведение с заводом своего дяди. От бюро-

кратического гнета он спасался, уходя в свои любовные грезы, «в место злачно, место покойно, где нет ни бумаг, ни чернил, ни странных лиц, ни вицмундиров, где царствуют спокойствие, нега и прохлада» [3, с. 76]. Александру не нравятся однотипные речи и поведение светских красавиц. «И движения, и взгляды – все одинаково: не услышишь самородной мысли, ни проблеска чувства...» [3, с. 60]. Хотя сам он в своем романтическом пафосе часто принимает неестественную позу литературного героя и говорит, по словам дяди, «диким» языком.

Наряду с понятием цельности духа, Киреевский употреблял термины «внешний» и «внутренний» человек. «Внешний человек» – это совокупность социальных ролей, которые весьма часто противоречат друг другу. «Внутренний человек» – это совокупность таких способностей, как любовь к Богу и ближним, сострадание, стыд, чувство прекрасного.

Такое противопоставление есть и в «Обыкновенной истории». Есть люди «века сего», живущие преимущественно внешним, делающие «карьеру и фортуна». В этом мире человек сводится к социальной роли, к исполняемым им функциям. Став его частью, Александр, упоминая о своей невесте, даже не называет ее по имени. Она для него – «дочь Александра Степановича» [3, с. 255]. Антитезой являются романтические натуры, которые «рвут желтые цветы», верят в вечную любовь и дружбу. В их мире с радостью встречают гостя, стоит тому переступить порог, его заключают в широкие объятия и «не будут знать, как принять его, где посадить, как угостить; станут искусно выведывать, какое его любимое блюдо, как ему станет совестно от этих ласк, как он под конец бросит все церемонии, расцелует хозяйина и хозяйку, станет говорить им ты, как будто двадцать лет знакомы: все подопьют наливочки, может быть, запойут хором песню...» [3, с.38].

Сердечность Александра проявляется в присущем ему чувстве такта. «Он не навязывается, не ходит ко мне без зову; и когда заметит, что он лишний, тотчас уйдет», – сказал про него дядя своему компаньону [3, с. 42]. Александр наделен способностью к эмпатии. Юлия была впечатлена разговором с ним. «Как вы угадали меня», – сказала Тафаева Александру при прощанье. «Из мужчин никто, даже муж, не могли понять хорошенько моего характера» [3, с. 164].

Однако сердце Александра не свободно от страстей. По мысли славянофилов, это обязательное условие «зрящего разума». Александр понимает Юлию только в силу своей психологической родственности с ней. Как только их душевное состояние перестало совпадать, начался разлад. Кроме того, Александр не умел управлять своим эмоциональным состоянием. «У него ум нейдет наравне с сердцем», – заметила Лизавета Александров-

на [3, с. 135]. Но управление это, согласно славянофильской концепции, совсем не тождественно советам Петра Адуева «закрывать клапан», когда чувства рвутся наружу. По мнению Гончарова, добродетели должны принадлежать не разуму, а сердцу, свободно проистекать «из светлого человеческого начала». Продиктованные соображениями практичности, они лишаются «теплоты и прелести» [4, с. 52-53].

В отдельной личности, согласно Хомякову, всегда идет борьба двух начал: «иранского», олицетворяющего собой свободу духа, и «кушитского», означающего подчинение необходимости. Александр, растерявший идеалы юности, превратившийся в конце романа в «делового человека», сделавшего карьеру и собиравшегося жениться без любви, оправдывает свое изменение необходимостью: «... век такой. Я иду наравне с веком: нельзя же отставать!» [3, с. 259]. На такую же «необходимость» ссылается и его дядя. «Чего я требовал от тебя – не я все это выдумал» [3, с. 220].

На примере Петра Адуева Гончаров показывает губительность избыточного рационализма. Дядя Александра является олицетворением каменного начала. Его образ сливается с образом холодного, вечно занятого Петербурга, громадные здания которого уподоблены «колоссальными гробницами» [3, с. 36]. Петр Иванович стал причиной душевной апатии своей жены, хотя по характеру ему не была свойственна бесчувственность. «Адуев-старший знал, хоть и краткое, упоение любовью, его сердце не было от природы холодным и черствым, но, взрослея и приспособляясь к «веку», он убивал и убил свое сердце» [6, с. 117]. Славянофилы многократно писали о недостатках только лишь рационально-логического подхода к миру. «Мелкое мерило рассудка ничтожно для проявления целостности человеческой, и только то право в его глазах, что в жизни негодно», – считал Хомяков [9, с. 117]. На художественно-образном уровне эта мысль раскрывается у Гончарова. Тем не менее, в романе дается надежда на возможное «воскресение» героев, в чем проявляется, согласно концепции И.А. Есаулова, «пасхальные архетипы» русской словесности» [5, с. 7]. Петр Иванович приходит к переосмыслению своих взглядов, решается бросить дела и подать в отставку. «Полно жить этой деревянной жизнью!» [3, с. 254]. Нет оснований полагать, что к такому же прозрению не придет со временем и Александр.

Таким образом, в романе «Обыкновенная история» содержатся несколько важных компонентов философии славянофилов. С точки зрения Гончарова, духовная целостность человека есть идеал развития личности, который достигается за счет взаимодействия с другими людьми, через труд, усилие над собой, преодоление препятствий, осмысление жизни и обретение веры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 томах. М.: Издательство АН СССР, 1953-1959. Т. 10
3. Гончаров И.А. Обыкновенная история // Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1
4. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб.: Азбука: Азбук-Аттикус, 2018. 796 с.
5. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
6. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
7. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 526 с.
8. Лотман Ю.М. И.А. Гончаров // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1980-1983.
9. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 465 с.

© Скворцова Анна Владимировна (orel121@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»